

К 70-летию Фазилы Искандера

ЧЕГЕМСКИЕ
САГИ

Независимая газета - 1999 - 6 марта - с. 7

Дмитрий Павлов

КАК-ТО профессор Литературного института Евгений Аронович Долматовский, человек, не лишенный чувства юмора, сказал своим студентам: «Между прочим, Фазиль Искандер начинал как поэт. Он учился на моем поэтическом семинаре. После чего стал прозаиком».

Стихи, как мы знаем из журнальных публикаций, Искандер писать все-таки не бросил, но состоялся он в русской литературе тем не менее именно как прозаик. Начиная с 1953 года в советской периодике, а потом и отдельными книгами было опубликовано свыше двухсот его произведений — количество, надо сказать, впечатляющее.

Он вошел в литературу вместе с той волной тогда «молодых» поэтов и прозаиков, а также их читателей, кого позже назовут шестидесятниками. Читатель — не только неотъемлемая часть этой волны, но, может быть, даже важнейшая. Без него явление шестидесятилетия и не представимо вполне и, наверное, не состоялось бы. Читатель-шестидесятник — особый тип. Советский служащий, преимущественно технар или медик, кухонный болтун, дикий-курортник. Лирический оптимист. Воспитан в книге выискивать карманные фиги, а находя их — он раздражается бодрым хохотом или заводит социально-политическую беседу по душам. В этом его юмор. И его стадионных масштабов деспотизм. Раз опознав писателя как своего, он уже его не отпустит, пока не воспитает под себя. «Читатель начинает мне навязывать роль юмориста, и я сам уже как-то невольно доигрываю ее, — пишет Фазиль Искандер. — Стоит мне взяться за что-нибудь серьезное, как я вижу лицо

читателя с выражением добродетельного терпения, ждущего, когда я наконец начну про смешное. Я креплюсь, но это выражение добродетельного терпения меня все-таки подтачивает, и я по дороге перестраиваюсь и делаю вид, что про серьезное я начал говорить нарочно, чтобы потом было еще смешнее»...

Искандер все же не юморист, хотя и критика, и читатель различают именно юмор как самое заметное его свойство. Он, скорее, наблюдательный скептик: «Я полагаю, чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставленный этим обратным путем, и будет настоящим юмором», — объясняет он в новелле «Начало» вроде бы природу своего смеха, не замечая, что описанный маршрут — это маршрут скепсиса. Смешно же — и от подробности, «флюберистичности» детально-психологического наблюдения, обращенного, например, на петуха, охаживающего своих кур, и от того — с этническим привкусом — тона простоватой, «первобытно-общинной» мудрости, который в северных широтах неизменно вызывает одновременно и улыбку, и уважение. Вот описание трех аскалов, сидящих на вокзале в ожидании поезда («Бедный демагог»): «У старика была коротко остриженная маленькая седая головка с хорошо продубленным каштановым лицом и светлыми, спокойными, первобытно-общинными глазами. Оба его спутника сидели рядом с ним, но не так, чтобы дышать в лицо, а примерно на расстоянии вытянутой ладони. Из почтительности они сидели к нему боком, как бы скрывая свою плотскую сущность». Тут же передается (поскольку говорили они по-абхазски) их разговор, вернее, неторопливый и степенный рассказ самого старого из них о

Утомленный славой и признанием писатель.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

том, как он в молодости пытался отсудить украденную буйволицу, возил писарю полицейского участка взятки — орехи да индюшек, а тут как на зло революция, власти то и дело менялись, и индюшки с орехами все время как-то терялись между ними. «Писарь этот, по его словам, был до того грамотный, что мог писать прошения не только рукой, но и ногой <...> ногой писал даже еще грамотней, чем рукой, хотя ему, хозяину буйволицы, от этого никакой пользы не могло быть, потому как его бедные индюшки затерялись между двумя властями, ну и орехи, конечно, то же самое»...

Но все же метрополией литературного пространства, созданного Фазилем Искандером, всегда остается Чегем. Настоящая «чегемия» Искандера привела к возникновению в русской литературе некоего ностальгического, неизменно патриархального и в то же время достаточно модернизированного пространства (еще один источник комического), обладающего той же условностью, самодостаточностью и притягательностью, что и детская «карта волшебной страны», на которую

нанесены не только «стратегические объекты», но и дома на холмах, и деревья в садах, и рядом с домами жители, каждого из которых, занимающегося своими нехитрыми делами, на этой карте можно узнать в лицо: Чик, Ремзик, Тали, дядя Сандро и спускающиеся на парашютах прямо в кабинеты учреждений эндуры...

В сущности, Искандер едва ли не создал свой жанр — чегемские саги, смешав эпическое начало с кавказским анекдотом, а лирическое переплетая — с гротеском. — так, «модельный орех» в его «Дереве детства» был до вершины оплетен виноградной лозой и плодоносил «не только орехами, но и виноградом «изабелла»...

Шестидесятилетие пройдет, как прошли в «Дереве детства» комсомолы, пытавшиеся спалить модельное дерево, с ним исчезнет — уже исчезла — прелесть карманных фиг, а останутся — инжир в саду, детство Чика, первобытно-общинные глаза старого горца, «наглое обаяние» дяди Сандро, модельный орех и скептическое выражение лица наблюдательного Искандера...